

Другие лекари, словно послушные марионетки, вторили каждому его слову. Никто не смел усомниться в его авторитете. Может быть, никто и не осмеливался. Сал, опытный целитель, лечивший людей уже более пятисот лет (хотя профессионально занимался врачеванием всего десять), излучал незримую ауру мудрости. Все, кто был рядом, – гоблины и волшебники – могли видеть ее, чувствовать эту мощь, окутывающую его, как защитный кокон. Никто не смел усомниться в нем. Три дня и три ночи они трудились без устали, пока последние стазисные чары не были сняты. Позже эту битву назовут "Великой битвой на Северных полях" и отметят как битву с наименьшим количеством жертв. Но Сал, погруженный в работу со стазис-чарами, не думал об истории. Он видел только жизни, которые висели на волоске, и свою способность спасти их. Конечно, он не мог спасти всех. Некоторые были слишком сильно ранены, другие умерли еще во время битвы. Но многие жизни были спасены. Когда битва наконец завершилась, Сал был совершенно измотан. Плечо ныло, глаза отказывались фокусироваться. В конце концов, он просто рухнул от усталости, погружившись в глубокий сон, после того как закончил последнюю стазис-чару. Он очнулся два дня спустя под бдительным присмотром гоблинов-лекарей. Рядом с его кроватью стояли Вейланд и другой, более внушительный, пожилой гoblin. Оба были очень похожи друг на друга, и Сал догадался, что старший гoblin – отец Вейланда. — Наконец-то ты проснулся, Морганаадт, — сказал Вейланд, глядя на него сверху вниз, а затем жестом указал на пожилого гоблина. — Мой отец Грингуд, — представил он. — Отец хотел увидеть тебя, как только ты проснешься. Другой гoblin внимательно осмотрел его. — Мы впечатлены, — наконец объявил он голосом, который звучал как из могилы. — Мы, гоблины, никогда раньше не видели такого, как ты. Способность накладывать такие стазис-чары и после этого исцелять раненых – впечатляет. Вейланд восторженно кивнул. — Теперь мы знаем, почему твою мать боятся многие друиды, — добавил он, слегка показав зубы. Позже Сал узнал, что это было выражение, чтобы показать свою степень уважения. Сал только удивленно и немного неуверенно моргнул. Он все еще чувствовал себя усталым, и ему потребовалось мгновение, чтобы сообразить. — Я – целитель, — наконец сказал он, пытаясь преуменьшить свои деяния. — Я здесь, чтобы предотвращать смерть так хорошо, как только могу. Я должен был отдать все силы. Другой, пожилой гoblin фыркнул. — И ты это сделал. Сначала защищая наших молодых и старых, а затем спасая наших воинов. И ты даже не один из нас. Сал только пожал плечами. — Это не имеет значения, — ответил он. — О, но это имеет значение, — сказал Грингуд. — Как вождь народа гоблинов я обязан вернуть долг, который мы имеем. Но чего достаточно, чтобы вернуть долг наших жизней? На этой земле не хватит золота, чтобы отплатить за то, что ты сделал для нас. — Я не нуждаюсь в возмещении, — ответил Сал. — И ты помог мне, когда я был ранен – этого должно быть достаточно. — Но это не так, — настаивали Вейланд и Грингуэд, прежде чем Грингуэд продолжил. — Я говорил с советом старейшин. Мы решили, что есть только один способ отплатить тебе. Мы сделаем тебя одним из нас. Ты станешь вождем клана, и твоя семья станет частью нации гоблинов. Сал неверяще уставился на него. — Я думал, вы не позволите друидам присоединиться к вашему миру. — Обычно мы не позволяем. Но ты особенный, — ответил Грингуд, пожимая плечами. — Даже если есть некоторые старейшины, которым больше понравится, если ты будешь Фирболгом, как мы, а не... друидом. Он помрачнел. Сэл уставился на гоблинов, стоящих перед ним, а затем, наконец, решил развеять беспокойство, которое испытывали два гоблина. — Я не человек, — сказал он, и Вейланд с Грингудом удивленно моргнули. — Мать была Древней, и отец тоже. Я не могу быть человеком, потому что у меня вообще нет человеческой души. Сэл объяснил, и вдруг Грингуд усмехнулся. — Так что я могу представить тебя как рожденного Фирболгом – и как смешанного Фирболга, — резюмировал Грингуд. — Ну... да, — нервно ответил Сэл. — Но у тебя нет способностей, которые ты унаследовал? — заинтересованно спросил Вейланд. — Ну, некоторые у меня есть, — ответил Сэл. — Я могу исцелять своими слезами, как Феникс, от которого я произошел, и ядовит, как василиск. Сэл решил пропустить, что он также может убить кого-то своим взглядом или огнем Артура, если очень захочет. Он также пропустил семейную магию Морганы. Это было бы не очень хорошо, чтобы напугать

гоблина. Вместо этого Грингуд ухмыльнулся, как чеширский кот. — Ты использовал свои слезы, чтобы исцелить некоторых гоблинов? — спросил он заинтересованно. Сэл просто пожал плечами. — Некоторых, — ответил он. — Но это мое последнее средство. Это утомительно — добывать слезы для исцеления. Они пропитаны моей магией, и поэтому я устану, если буду использовать их слишком часто. Гоблин только кивнул. — Это объясняет, почему феникс не часто исцеляет других своими слезами, — задумчиво произнес он. — Их сила может быть невероятно сильной — но цена, которую они платят, высока, поэтому они берегут ее на крайний случай. Сэл снова пожал плечами. — Может быть, — ответил он, не особо заботясь об этом. Вернее, ему было все равно, пока он не вспомнил свой второй год обучения в Хогвартсе и бой с василиском. Фоукс сделал все, чтобы помочь ему — даже, наконец, исцелил его. Зачем?! Если на это ушло столько сил, сколько ушло у Сала, почему Феникс вообще исцелил его? Его мысли прервал Вейланд. — Ты в состоянии встать, Морганаадт? — спросил он. Сэл устало кивнул. Он медленно встал и вслед за отцом и сыном вышел из домика, в котором находился. Они все еще находились в деревне, которую Сэл помогал защищать. Но теперь рыночная площадь деревни не была пустынной, как во время боя. Вместо этого их ждал совет из нескольких старых гоблинов. — Так вот кто защищал нас, вождь, — сказал один из старых гоблинов. — Он тот, кто защитил нас, — ответил Грингуд. — Но мой сын ошибся. Он вовсе не человек. Как только он это сказал, атмосфера изменилась. Там, где раньше витало недоверие, внезапно появилось надеющееся удивление. — Так кто же он тогда, если он не друид? — спросил все тот же старый гоблин. — Он — урожденный Фирболг. Дитя Фирболга — и его душа такая же нечеловеческая, как и наша, — ответил за отца Вейланд. — А есть ли у тебя другие доказательства, кроме его слов? — спросил старый. — Несколько наших воинов были исцелены слезами Феникса — об этом нам рассказали сами целители. — Но мы не знали, что это были его слезы, — проговорил Грингуд, — ведь он уроженец Феникса. — А ты сам видел это, вождь? — осведомился старик. — Нет. — — Тогда ты поверил ему, потому что он сказал тебе это? — старик взглянул на Грингуда, — Мы не можем верить чему-то со слов. — Я не думаю, что Морганаадт стал бы нам лгать, — заступился за отца Вейланд. — Нет причин... Он не договорил, среди старых гоблинов пробежал ропот. Говорящий шагнул вперед, приблизился к Салу и повернул его лицо так, чтобы видеть глаза юноши. — У тебя действительно глаза Морганы, — прошептал он, — Скажи нам, ты действительно ее сын, как сказал Вейланд, или просто тот, у кого глаза, как у нее? Сэл открыл рот, чтобы отрицать родство с Морганой, но слова застряли в горле. — Я ее сын, — прошептал он. — От кого, дитя? — спросил гоблин. — Мои отцы — Артур Пендрагон и Мирддин Эмрис, — ответил Сэл. Когда он снова закрыл рот, то увидел, как в воздухе мелькнула руна. Правда-руна. Сэл внутренне выругался. Его спросили, сын ли он Морганы. Поскольку она его усыновила, он действительно был им — даже если она его не рожала. Поскольку он не мог лгать, он сказал им правду — и эта правда заключалась в том, что он сын Морганы, хочет он того или нет. — Так ты Медравед? — спросил гоблин. — Нет. Меня зовут Сальвазсахар. Я младший, — ответил Сэл. И он был таким, каким его усыновила Моргана после рождения Медраведа. И вдруг старший гоблин улыбнулся. Было немного страшно видеть острые зубы гоблина, но Сэл отмахнулся от тревожного чувства и натянул на лицо маску безразличия.